Im Kreuzvisier

Peter Luett

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Боевые будни немецких летчиков Второй Мировой войны

- Peter Luett. Im Kreuzvisier

Peter Luett. Im Kreuzvisier

«Вы переводитесь в Сицилию! Давайте, давайте, шевелитесь! Все пилоты немедленно на совещание к командиру!»

В ослепительно сияющем дверном проёме палатки возник, с трудом переводя дыхание, потный взлохмаченный техник и замахал рукой. Потом он исчез так же быстро, как и появился. Петер Хенн оглядел тени на светлой матерчатой стене, отшвырнул карты и проворчал:

«Вот дерьмо! Именно в тот момент, когда у меня в лапах уже был чистый Гранд!»

В палатке шестого штаффеля всё пришло в движение. Пилоты вскочили, разыскивая свои вещи, громко ругаясь, стулья полетели в стороны, все заговорили разом. Херберт, командир штаффеля, орал:

— Давай, Франц, машина уже ждёт! Оставь своё барахло в покое- мы ещё сюда вернёмся! Залезайте в машину, живо, живо, вперёд!

Все десять пилотов штаффеля быстро втиснулись в Кубельваген. Херберт сам сел за руль. По дороге все молчали. Коричнево-жёлтый выжженый солнцем песчанный аэродром Casa Zeperra в Средней Сардинии напоминал перепуганный муравейник. У бараков четвёртого штаффеля, на противоположной стороне — в расположении пятого штаффеля и вообще везде одна и та же картина: бегущие сломя голову пилоты, расспрашиваемые техники и катившие в сторону штабной палатки Кубельвагены с лётчиками.

За несколько минут прибыла вся группа. Командир стоял в своей большой палатке за складным столом и ждал, пока все соберутся. Наконец пилоты расположились перед ним молчаливым полукругом.

«Итак, ребята, слушайте!»- начал «старик»-«Сегодня ночью наши итальянские друзья из большого дружелюбия перерезали нам телефонную связь. Поэтому я послал по технику в каждый штаффель. Американцы сегодня утром высадились в Сицилии. Поскольку мы остались без телефона, то мы вынуждены были ожидать приказа по радио, который сейчас и получили. Мы немедленно переводимся в Трапани. Стартует каждая машина, способная хоть немного летать. Ясно? Возьмите с собой кусок мыла, бритву и зубную щётку. Всё остальное остаётся здесь. Стартуем в таком порядке: штаб, четвёртый, пятый и в конце шестой штаффель. Я буду ждать над полем, пока шестой штаффель замкнёт строй. Тогда мы поднимаемся на 4000, курс на

мыс Карбонара! Если над водой встретим противника, то шестой прикрывает. Понятно?»

«Ясно»- ответил Херберт.

«Сколько всего у нас машин?»

«На данный момент тридцать четыре»- доложил офицер-техник.

«Что ж, целое войско! Ничего плохого не должно случиться. Даже вполне может пожаловать парочка Лайтнингов. Смотрите, парни, только не наложите в штаны! Враг стреляет точно такими же снарядами, как и мы! Ещё вопросы? Прекрасно! Стартуем через пять минут.»

Когда машина приехала на стоянку, Петер Хенн уселся рядом с Зиги, молодым офицером, недавно прибывшим к ним в штаффель.

«Теперь пойдут серьёзные дела.»

«Ну да, должно же что-то происходить»-ответил парень-«Сказать честно, сидение без дела в последние дни, действовало мне на нервы. Надо лететь в Трапани. В любом случае, мы достаточно насиделись в этой грязной дыре.»

Петер Хенн промолчал.

Скоро пилоты втиснулись в свои Мессершмитты. Техники залезли на крыло, помогая прилаживать дыхательные маски, парашюты, пристяжные ремни, проверяя, правильно ли упакованы надувные плотики. Потом они вставляли ручки стартёров в гнёзда и начинали крутить, извлекая при этом из моторов звуки, напоминавшие звук сирены.

«Готов!»

Моторы 109 заводятся, первые машины рулят на старт. Группа стартует. Хенн и Зиги выруливают одновременно. Первое звено уже взлетело над слегка волнистой поверхностью песчанного поля, держась рядом друг с другом с интервалом в длину крыла. Перед ними с крошечного поля уже взлетели четвёртый и пятый штаффели, подняв тучу песка. В этой тьме им предстояло взлететь. Облако песка поглотило их. Сперва они ещё различали перед собой машину командира, которая уже набирала высоту со скоростью около 200 км/ч, потом стало темно. Только на высоте 50 метров они снова увидели синее небо.

Теперь у каждого были только мотор впереди, небо над головой и тёмно-синяя водная гладь снизу. Более ничего. Рядом, растянувшиеся в боевом порядке, машины товарищей. Все 34 Ме-109 вместе! Они чуствовали себя непобедимыми и готовы были противостоять любому противнику, пусть даже и над водой.

Полёт над водой-хорошая проверка нервов, когда летишь на самолёте с одним мотором. Если пропеллер внезапно начнёт

вращаться чуть медленнее- ты неминуемо пропадёшь. Такое уже часто происходило по каким-либо необъяснимым причинам. Многое зависело и от того, были ли вовремя заменены в истребительных группах моторы Даймлер-Бенц после выработки ресурса.

И вот каждый сжимал ручку управления, превратившись в зрение и слух. Сердце бьётся вместе с тактами мотора. Хороший пилот слышит каждый звук из цилиндров, каждый шорох, чуствует каждый толчок. Снова и снова бросая взгляд на тахометр и датчики давления, Петер Хенн спрашивал себя, выдержит мотор или не выдержит?…

В строю как правило летают на крейсерском режиме. Однако иногда пилот волей-неволей вынужден давать полный газ, если он начинает отставать. Петер ощущал почти физическую боль, когда ему приходилось взвинчивать обороты, чтоб оставаться в строю. Внезапно он услышал в наушниках чей-то голос:

«Это Жёлтая Пять! Это Жёлтая Пять! Мотор не в порядке, теряет обороты. Он останавливается!…»

Это был голос маленького унтерофицера, который только три недели назад вернулся из отпуска. Теперь он висит на высоте 4000, как раз на «кислородной границе», севернее мыса Скерки над Средиземным морем, на полпути между Сардинией и Сицилией и его пропеллер вращается всё медленнее и медленнее. Мотор стучит, скрежещет, трясётся и всё более и более снижает обороты, как бы пилот не двигал рукоятку газа. Потом снова раздаётся голос:

«Я теряю высоту- больше не могу следовать в строю.»

«Спокойно! Спокойно! Только спокойствие, Макс!»-это был командир, Петер узнал его по голосу. «У тебя есть вемя, чтоб выпрыгнуть. Мы не можем тебя ждать, мы должны двигаться дальше. Шестой штаффель выделит прикрывающую пару, она останется рядом, пока ты не приводнишься. Держи голову высоко, Макс, даже если ты по уши в дерьме. Мы тебя вытащим!»

Потом Хенн услышал в наушниках голос своего штаффелькапитана:

«Петер и Зиги, вы остаётесь. Дождётесь, пока Макс поплывёт и тогда следуйте в Трипани. Мне будут нужны точные координаты!»

«Почему оставили нас- новичков?»-думал Хенн. Сейчас либо звено Лайтнингов или те же проблемы с мотором- и всё, гуте нахт, Мария!

Они кружили около Макса, который продолжал терять высоту. Его пропеллер вращался уже так медленно, что его

лопасти было отчётливо видно. Они находились на высоте 2000 метров. Надо было планировать как можно дальше в сторону Сицилии.

«Макс, дружище, на 4000 метрах, незадолго до того, как я повернул к тебе, я ещё видел землю. Мы были недалеко от острова Мариттимо. Не спеши сбрасывать фонарь кабины, чтоб мы могли друг друга слышать. Иначе антенна радиостанции так же улетит и связь прервётся. Ты прыгнешь на пятистах метрах и ни секундой раньше»-начал Хенн.

«Хорошо….»

«Теперь выравнивайся! Оставайся на связи до последнего. Отстегнись и не трогай пока кольцо парашюта и плотик. Как сделаешь-скажи.»

«Готово»- послышалось после паузы.

«Так, теперь внимание! Сбрасывай фонарь, наушники долой, ручку немного на себя, руки и ноги убери от педалей и ручки. Подожми колени к животу и толкни ногами ручку от себя- и ты вылетишь из кабины. Всё будет в порядке. Сосчитай от 21 до 24 и тогда тяни за кольцо парашюта.»

«Яволь!»

«Когда упадёшь в воду, отстегни парашют, иначе он тебя накроет. Отстегни карабин для быстрого отстёгивания на животе и сразу же открывай вентиль на твоём плотике. Чтоб он не уплыл, держи его покрепче. Пока будешь висеть на парашюте-надуй свой жилет. Залезай на плотик и плавай. Осторожно с волнами- не перевернись и оставайся на плотике, пока мы тебя не вытащим. Мешочки с краской, которые оставляют на воде большие цветные пятна, кидай в воду раз в два часа. Мы вернёмся на гидросамолёте и выловим тебя.»

«Яволь! У вас есть мой домашний адрес?»

«Да, Макс, есть.»

«Вы напишите..?»

«Сделаем, Макс!»

«Ну, до свидания, ребята…»

«До свидания, Макс!»

Хенн увидел, как машина Макса резко опустила нос, потом отлетела чёрная точка- кабина, потом чёрточка, белая полоска. Он выпрыгнул.

Парашют висел как колокол над тёмно-синей водой. Он ещё раскачивался, когда Петер кружил вокруг него. Самолёт рухнул и пошёл ко дну. Возник увеличивающийся пенный круг, расходившийся всё медленнее и медленнее, и наконец исчезнувший- более ничего не осталось. Макс спускался вниз. Оба пилота видели, как он возился со своими ремнями. Его довольно

сильно раскачивало. Чем дальше они продолжали спускаться вниз, тем яснее становилось видно, что море затягивает сильным туманом. Маленький Макс должен был опуститься в него. Он приблизился к волнам и погрузился в воду.

«Давай выныривай!»- думал Хенн-«Либо мы сейчас его увидим, либо он отправится к рыбам.»

Парашют раскинулся на воде, как саван. Его сносило в сторону. Потом на поверхность вынырнула голова и рядом с ней жёлтое пятно.

«Слава Богу!»- сказал Зиги по радио- «Его плотик надулся!»

Макс грёб и боролся с плотиком изо всех сил. Его тяжёлый лётный комбинезон, сапоги, ракетница, патронташ с сигнальными ракетами, провиант- а не потерял ли он что-то из этого при прыжке? — всё это должно было несмотря на надувной жилет очень сильно тянуть его вниз.

Хенн подумал- «Надо обязательно убедиться, что он залезет на свой плотик, иначе он утонет, как мышь в этих волнах.»

Макс подтянул плотик за страховочный тросик, попытался влезть, свалился, затем налёг на плотик корпусом, подтянул ноги и кое-как устроился внутри.

Человек в море. Под ним маленький округлый плотик, 60 сантиметров в ширину и около 120 в длину. С поджатыми ногами он скорчился и махал кружащим над ним машинам. Как раз посередине между Сицилией и Сардинией, в радиусе 200 километров вокруг него ничего кроме неба и воды. Он совсем один. Волны швыряли его, то поднимая на пару метров вверх, то бросая вниз. Хенн видел, как тот вцепился в края плотика. Они покачали ему крыльями, прощаясь. Они должны были оставить его одного. Маленький Макс из Хале, 21 год от роду, плавал в море, надеялся, ждал, глотал солёную воду и возможно молился, вцепившись в резину своего плота, который сейчас являлся для него целым миром, несшим его над многокилометровой глубиной.

Оба самолёта ещё раз пролетели над ним. Хенн сверился с компасом и включил секундомер. Через полчаса они уже были над Трапани. Всю дорогу они выдерживали скорость 400 км/ч, и шли курсом 124 градуса. Нужная им точка в море находилась в 200 километрах от них.

Хенн и Зиги прибыли в расположение своей части, не обращая внимания на ещё оставшуюся американскую разметку стоянок. Она их не интересовала- им нужен был гидроплан, Юнкерс. Макса нужно обязательно забрать ещё сегодня. Он барахтается точно посередине между островами и если его срочно

не выловить, то дела его будут плохи. Хенн связался со штаффелем морских спасателей в западной Трапани.

«Нам очень жаль! У нас больше нет ни одной машины, все либо сбиты, либо уничтожены при последних бомбардировках на стоянках. Мы не можем стартовать.»

Петер положил трубку.

«Ну хорошо, и что же нам теперь делать? Макс не может там оставаться!»

Тогда к делу подключился Гюнтер, шеф пятого штаффеля:

«Я позвоню итальянцам.»

Он подошёл к аппарату и набрал номер. Все обступили его в напряжении. Потом все услышали пару фраз на ломанном итальянском и Гюнтер зло швырнул трубку на рычаг.

«Эти свиньи не понимают по-немецки. По крайней мере не в таких случаях. Они не хотят вылетать в море на своих картонных Савойях. «Воздух кишит Лайтнингами»-сказали они. Мой автомобиль здесь, скатаюсь-ка я к этим господам лично.»

Он повязал себе свой Рыцарский Крест, который обычно носил в кармане и уехал к нашим союзникам по Оси.

Он вернулся через час, метая громы и молнии.

«Господа военачальники от страха наложили полные штаны. Они полетят, только получив приказ от своего корпусного командования.»

«Это называется предательством союзников»- сказал Зиги.

Херберт, командир шестого, начал нервничать:

«Тогда они должны послать корабль, подлодку или хотя бы шлюпку! Чёрт побери, мы же не можем просто оставить Макса там купаться!»

Все стояли и не знали, что предпринять.

Тогда «старик» принял решение.

«Так, вы двое, приготовтьесь! Слетайте к нему ещё раз и пожелайте ему доброго вечера, чтоб он понял, что ему придётся там переночевать. Мы вдвоём направляемся в итальянский Корпус. Поехали, Гюнтер. Херберт, доложи в наш штаб, чтобы они были в курсе, где мы.»

Итак, Петер и Зиги снова стартовали. Солнце садилось в море, побережье Сицилии под ними окрасилось красным, водная гладь сияла, как огромное зеркало. Два молодых пилота, ещё никогда не встречавшие в своей жизни противника в воздухе, понеслись на бреющем курсом на запад.

«Только бы мы его нашли. Темнеет очень быстро и видимость у нас не более двух километров. Только б мы его нашли, Зиги!»

«Лучше следи за курсом и закрой пасть. Иначе скоро мы долетим до Туниса и на нас набросятся целые стаи двухбалочных

бестий.»

Они летели. Их моторы пели. Через полчаса Хенн произнёс:

«Мы на месте. Давай поднимемся повыше, чтобы осмотреться.»

«Давай зайдём с западной стороны, чтоб солнце светило нам в спину. Иначе мы точно ничего не обнаружим.»

«Хорошо»- ответил Петер, разворачиваясь. Они искали долго. Внезапно от почти чёрной массы воды поднялась маленькая красная звёздочка.

«Вон- смотри!!! Он стреляет!!! Он ещё здесь! Слава Богу, он всё ещё плавает! Снижаемся.»

Они кружили над ним. Он всё ещё сидел, скорчившись в своём плотике, как и несколько часов назад. Снова взлетела красная ракета, засияла, прочертила за собой дымный след и, угасая, понеслась вниз.

«Если б мы могли с ним поговорить или сбросить ему что-нибудь, например, пакет с продовольствием или ещё что-нибудь! Бедный парень!»

Макса почти не было видно, только его жёлтый плотик едва виднелся на поверхности. Потом они увидели ещё одно светлое мечущееся пятно.

«Он машет нам своим жёлтым шейным платком!»- понял Хенн- «Вот как неожиданно может пригодиться самая простая вещь, которая есть у каждого истребителя. Если б не платок, мы бы точно его потеряли из вида.»

«Нам надо возвращаться, иначе станет слишком поздно, Петер. Давай помашем ему крыльями, чтоб он понял, что завтра мы прилетим за ним»- ответил Зиги.

Оба сделали ещё пару кругов. Хенн выстрелил зелёной ракетой.

«Зелёный- цвет надежды, Макс, мы вытащим тебя.»

Ракета упала в воду недалеко от плотика. Тогда оба самолёта легли на обратный курс. Через полчаса они приземлились в Трапани.

«Ну что, вы его нашли, он всё ещё плавает?»- спросил «старик».

«Да, но его немного снесло. Теперь он примерно тут…»- ответил Хенн, указывая на карте место.

«В сторону Туниса?»- спросил Херберт.

«Да, примерно на 10 километров за час.»

«Чёрт возьми! Вот дерьмо… С каждой минутой промедления он всё ближе к плену. Там же всё кишит вражескими катерами.»

Херберт метался вперёд-назад.

«Ничего не поделаешь, ребята, поехали домой»- произнёс

«старик».

«Вам удалось договориться о чём-нибудь, херр майор?»- спросил Хенн.

«Ни о чём! Итальяшки ждут команды от командования своего Корпуса. Я поговорил с командующим истребительной авиацией, тот обещал надавить на них. Завтра мы позвоним им ещё раз!»

Три Кубельвагена с пилотами направились в палаточный городок, разбитый вблизи оливковой рощи. Петер и Зиги молча сидели рядом.

«Интересно, что сейчас делает Макс…»- проговорил Зиги.

«Глупый вопрос- конечно, плавает. Я бы не хотел быть в его шкуре. Самое страшное- это жажда. Чёрт, мы должны во что бы то ни стало завтра его вытащить!»…….

И Макс плавал и плавал на своём надувном плоту, три дня и две ночи. Товарищи бегали то к Понтию, то к Пилату, орали в телефонные трубки, торчали в штабах, немецких и итальянских и наконец добились своего: они плучили гидросамолёт Савойя.

Перед стартом спасательной операции Гюнтер произнёс:

«Прикрывать эту картонку будет один шварм. Я сам поведу заднюю пару. Если итальяшки хоть на волосок отклонятся от курса, я расстреляю их и отправлю купаться к Максу.»

На третий день их шварм кружил над водным аэродромом и ждал, когда взлетит гидросамолёт. Потом они сомкнули строй и полетели следом, прикрывая его. В эфире царило молчание. Все глаза следили за стрелками компасов. Курс был точен. Впереди летели Петер и Зиги. Наконец они достигли нужного места и начали кружить.

«Чёрт, он больше не стреляет, где же он?»-проговорил Хенн.

«Ищем, ребята, ищем…»- успокаивал Гюнтер.

Они искали желтое пятно на водной поверхности и не находили.

«Поищем немного южнее, ночью был сильный ветер…»-начал Зиги.

«Нашёл!!!»- вдруг заорал Хенн по радио.

«Где?!!»

«Слева, жёлтое пятно, надувной плотик!»

Гюнтер, не отходивший от Савойи ни на метр, указал ей вниз. Савойя приводнилась, замедлила ход и подошла к плотику, пропустив его между своими поплавками. Потом они втащили что-то внутрь. Шварм кружил сверху, Савойя снова взлетела.

«Слава Богу, получилось!»

Через час все стояли у его постели в лазарете. Он не мог

говорить. Врач сказал, что они могут находиться с ним не более пяти минут. Его руки, лицо, плечи были синими, розовыми, фиолетовыми от морской воды. Он открыл глаза и попытался улыбнуться. Они стояли вокруг и молчали. Сестра наложила ему первые повязки и он тихо застонал. Потом ему сделали укол и он попытался заговорить:

«Там… были… катера. Я… не… стрелял. Не хотел… сдохнуть… в… плену!… Никогда больше… над… водой. Никогда… больше… Никогда!»

«Всё уже в порядке, Макс», произнёс Гюнтер. «Теперь просто поспи, ты очень нужен нам, нужен, как никто другой!»

Но Макс больше не проснулся. Через некоторое время он умер.

* * *

У американцев было всё- в то время как у немцев в их воздушных частях почти ничего. За первые дни в Трапани приземлились три группы, общим числом примерно в 70 машин. Через три дня в этих группах насчитывалась лишь горстка исправных и готовых к вылету стодевятых. Поле в Трапани было уже давно перепахано ковровыми бомбардировками четырёхмоторных бомбардировщиков. Некоторые воронки, которые находились на взлётно-посадочной полосе, были засыпаны и при помощи всяких уловок и хитростей полосой ещё можно было пользоваться. Взлетать и садиться можно было только по зигзагу. При этом лётчик должен был владеть машиной в совершенстве.

Американские танки Шерман после высадки на южном побережье уже достигли Палермо. Западная часть острова в тактическом плане «зависла в воздухе».

И вот в один прекрасный день они снова прилетели- примерно 500 бомбардировщиков и 200 истребителей прикрытия. Из Трапани навстречу им стартовала группа из четырёх машин: майор, адьютант группы, Хенн и Херберт. Они находились в своих 109 на высоте 8000 метров, когда подошёл вражеский строй. Лайтнинги и Куртиссы, рыскавшие под ними, тщетно искали немцев. Экипажи бомбардировщиков распевали в своих машинах «Лили Марлен», открывая бомболюки. Они разнесли аэродром Траппани вдребезги и гиганский дымовой гриб над полем стоял ещё потом многие часы. Потом они, не нарушая строя, сделали

левый разворот и отправились восвояси. Для немцев шутки кончились- полоса их аэродрома стала абсолютно непригодной для посадки. В этом у них не было ни малейших сомнений.

«Ну что, Хенн, попробуем атаковать?»- внезапно сказал Херберт.

«Давай»- ответил Хенн и подошёл к нему ближе.

Они уже были вдвоём, майор и адьютант уже где-то выбирали себе другие цели. Замыкающая вражеская группа примерно из 120 самолётов как раз пролетала над побережьем острова Мариттимо курсом на Африку на высоте 5000 метров. Два пилота, приближающихся к врагу сзади, явно были оптимистами. У них оставалось бензина примерно на полчаса полёта, их аэродром был уничтожен и они летели над водой в 50 километрах от Сицилии за идущими домой бомбардировщиками. Стрелки бомберов открыли по ним огонь ещё с расстояния в 2000 метров.

«Я беру левого крайнего, а ты угробишь правого!»- скамандовал хауптманн.

«Viktor!»-ответил Хенн-«Понял.»

Но ни у стодевятых, ни у бомберов ничего не получилось. Но они хотя бы попытались атаковать: два Мессершмитта против 120 Боингов! Но теперь пора было подумать о посадке. Хенн нажал кнопку передатчика и сказал:

«У меня горит красня лампа. Топлива только минут на десять. Куда будем садиться?»

«Не переживай! Если эта лампочка тебе мешает, просто закрой её пальцем. Мы сядем на запасном аэродроме «Дора».»

«Хорошо.»

Хенн попытался отыскать на карте место назначения. Где эта «Дора»? Ага, вот она- Салеми, между Марсалой и Трапани.

Скоро они увидели под собой пшеничное жёлтое поле, заваленное неубранной после сбора урожая соломой. На нём был выложен посадочный знак. Ни одного человека не было видно. Никто не стрелял зелёными ракетами, давая «добро» на посадку. Кто там внизу- американцы или ещё немцы? Ни один из пилотов этого не знал. Но надо было садиться. Рано или поздно всем приходится спускаться- ещё никто не остался наверху. Хенн выпустил шасси, опустил закрылки наполовину для снижения скорости и начал заходить на посадку.

«Не более 450 метров для пробега»-прикинул он. «В Германии любая полоса короче 800 метров считается непригодной для посадки стодевятого.»

Ему оставалось только усмехнуться про себя:

«Если тебе не удастся посадить свой тарантас на самом краю поля и сразу же начать притормаживать, то ты со стопроцентной

гарантией разобьёшься об берег той речушки.»

«Садись точно на посадочный знак!»

«Посмотрим, что из этого получится!»-ответил Хенн, а про себя подумал:

«Надо полностью сконцентрироваться. Не смотреть на красную лампочку. Первый же заход на посадку должен получиться- на второй возможно просто не хватит бензина.»

— Аккуратнее, я сказал!

«Если б он только мог заткнуться…»-подумал Хенн-«Я знаю не хуже его, что эта игра может стоить головы. Скапотировавший 109 — это как правило сломанная шея пилота.»

Жёлтое поле неслось навстречу. Он надавил на педаль и придал машине небольшое скольжение, чтобы погасить лишнюю скорость.

«По идее надо садиться на скорости 180, иначе свалишься.»

Однако сейчас он летел на 165, продолжая ровно держаться в воздухе.

«Как нас всех, оказывается, обманывали в лётной школе, рассказывая про параметры безопасности полётов.»

Внезапно Хенн успокоился. Посадочный крест прыгнул ему под колёса. 109 подскочил, начал было заваливаться, но потом колёса покатились по земле. Он надавил на тормоза. Громыхнуло, заскрипело, застучало. Хенн потянул ручку к животу и нажал на тормоза так, что они только слегка попискивали. Машина остановилась.

«Что ж, на этот раз получилось»- проворчал он, дал снова газ и попытался освободить посадочную полосу. Но его 109 стоял, как приклеенный. С грохотом и треском он сдвинул самолёт с мёртвой точки, откатил в сторону и заглушил мотор. Потом вылез из кабины и получил неприятный сюрприз. У самолёта пострадала почти половина задней части фюзеляжа. Последний шпангоут корпуса под рулём высоты был перебит и оторван. Тросы рулей высоты лежали почти на земле. Однако всё остальное было на месте.

«Это из-за аварийного торможения»- решил Хенн.

Резервный аэродром- это поле, где ещё на половину своей высоты торчали остатки стеблей злаков (сицилийцы срезали только самые верхушки колосков с зёрнами, а стебли оставляли торчать в земле до седующего года), был весь усыпан камнями. Наименьший был размером примерно с кирпич. Такой камень при торможении и оторвал ему хвостовое колесо вместе с изрядным куском фузеляжа. Неважно- он сел! Датчик топлива показывал нуль и под ногами снова была земля!

Над полем кружили ещё две машины. Прилетели майор с

адьютантом. Херберт уже сел. Остальные машины тоже приземлились, Хенн указывал им безопасное направление пробега, свободное от камней, и они не пострадали.

И вот они стояли вчетвером- последние немецкие истребители в западной Сицилии и смотрели друг на друга. Наземные службы в Трапани на машинах перебрались в Палермо и должны были оттуда морем эвакуироваться на материк.

«Итак, господа»-произнёс «старик»- «Теперь для нас война скорее всего закончилась. Что будем делать? У меня есть идея: там, за скалами, есть какая-то лужа, предлагаю прыгнуть в неё. Если прилетят Лайтнинги- плевать, мы купаемся и пусть они полюбуются на наши округлые формы.»

И они пошли купаться. На резервном аэродроме Салеми было два человека наземного персонала, ефрейтор и унтерофицер. Рядом располагались ёмкости с топливом и это было всё. Впервые за много месяцев они оказались в воде, в костюмах Адама и радовались, как дети, потому что им уже нечего было делать. На аэродроме не было радиостанции, он располагался недалеко от всех штабов. Телефона также не было. Это было просто замечательно. Такое встречалось не часто. Когда они как следует отмылись и наплавались, они почуствовали голод.

«Там недалеко был хутор, пошли туда. Нам дадут там что-нибудь пожрать. У меня ещё осталась пара лир в кармане»- предложил «старик».

Внезапно они услышали звук мотора и, выбежав, увидели Физлер-Шторьх, который сбросил им какое-то сообщение.

«И какой дерьмовый штаб сумел нас тут вычислить?»- выругался командир.

В пакете была всего одна строчка:

«Следовать отступательному плану «Б», всё взорвать. Сборный пункт истребительных групп- Реггио и Кротоне.»

«Старик» рассмеялся.

«Лучше давайте на последних каплях горючего перелетим в Марсалу, заправимся и оттуда уже рванём к месту назначения. Давайте, по машинам!»

«Я не могу стартовать, херр майор. Моя Жёлтая Два неисправна и бак абсолютно пуст.»

Хенн стоял, и почти смущённо крутил большими пальцами.

«Только посмотрите на нашего цыплёночка! Он непременно хочет в Канаду на лесоповал. Сделай так- там, восточнее, проходит дорога. Сходи туда с двумя людьми, реквизируй какую-нибудь машину и езжай на ней.»

«Ясно, херр майор!»

«Ну, вот видишь…»

Они стартовали. Хенн беспокойно наблюдал, как остальные улетали. Они помахали ему крыльями на прощание и умчались. Что ему теперь делать? Ефрейтор и унтерофицер стояли рядом с задумчивыми лицами.

Он начал:

«Мы должны тут всё взорвать. У вас есть ручные гранаты?»

«Никак нет! Нету!»

«Взрывчатка, понятно, так же отсутствует…Хорошо. Только что ж нам делать с топливными баками?»

«Мы их подожжём»- предложил ефрейтор.

«Болван! Как ты думаешь, что произойдёт, если мы тут такое устроим? Да через пять минут к нам пожалуют Лайтнинги. Они слетятся на дым, как пчёлы на мёд! Мы сделаем по-другому. У вас есть топор? Ладно, даже кирка сойдёт. Пробейте пару дыр в каждой ёмкости и пусть бензин стечёт. Только не суйтесь туда со своими сигаретами- иначе вам опалит усы.»

Кирки заработали. Около тысячи литров топлива вылилось на песок из 50 баков. Хенн снова вернулся к своей машине.

«Жалко оставлять её тут, у неё такой замечательный моторчик. Или попытаться на ней взлететь?»

Он включил зажигание и проверил ещё раз датчик топлива. Он стоял как и раньше на нуле, красная лампа горела. В баке совсем пусто. Тогда он заорал своим помощникам:

«Оставьте пару баков целыми, может, они ещё понадобятся. Я попытаюсь взлететь.»

«Конечно. Но как вы собираетесь это сделать?»

«У вас в хозяйстве есть ручной бензонасос? Мы бы могли подкатить одну из бочек к моему самолёту и неспеша его заправить. Тогда бы я смог взлететь.»

«Сейчас посмотрю», сказал унтерофицер. Через некоторое время он вернулся с каким-то непонятным аппаратом в руке.

«Это вполне может быть то, что нужно. Я сам не особо разбираюсь в этих штуках.»

Он показал насос Петеру. Это была масляная помпа, вся в грязи и наполовину заржавевшая.

«Для начала, вымойте её как следует»- сказал Петер.

Это был последний шанс. Этот насос должен выдержать, иначе дело становилось безнадёжным.

Вскоре на этом старье сломался один из клапанов.

«Давайте попробуем наполнить хотя бы это ведро», предложил Петер, «Если для этого не придётся качать всю ночь напролёт.»

Из попытки ничего не вышло. Из бака не удалось выкачать почти ничего- всё топливо выливалось обратно.

«Итак, господа, дело не выгорит. Как полагаете, мы сможем ещё добраться до Палермо?»

«Нет»-ответил один из военных-«Сами посмотрите, кругом янки. Они вовсю уже катятся по нашим путям отступления. Они сейчас максимум в паре километров от нас.»

«Действительно», пролепетал Хенн. «Вон, там на высотке уже видны тучи пыли. Возможно, это танки, которые стреляют по нашим.»

«Тем хуже! Тогда нам пришлось бы прорываться через их огонь, если б мы собрались в Палермо. Взрывы видны точно на северо-востоке. Палермо находится именно в том направлении. Они уже рядом.»

«Зачищают местность», сказал унтерофицер.

«В школе я немного учил английский»-сказал Хенн с горькой иронией- «Я могу сказать «Hallo Boys!» Уже не так плохо… Они нас прямо тут и сцапают. Тут уж ничего не поделаешь.»

Они сидели рядом и курили свои последние сигареты. Потом они просто сидели и ждали, сами толком не зная, чего.

«Если попадём под обстрел, то укроемся вон в том овраге»- произнёс Хенн.

«Можно», согласно кивнули другие.

Взрывы слышались всё ближе. Дорога находилась за высотками на востоке и не была видна с их места. Они только видели постоянно вздымающиеся фонтаны земли и пыли.

«Слушай, что это там гудит? Прислушайся как следует!»

«Танки?»- предположил унтерофицер.

«Я ещё ничего не слышу», сказал ефрейтор, «А! Это скорее похоже на тяжёлый грузовик.»

Всё же они бросились по ухабистой поверхности поля к оврагу на его восточном краю под защиту высоток.

«Мы бы могли хотя бы просто уехать в этой машине!»- они вжались в спасительные стены укрытия.

«Да это же немецкий грузовик! Чтоб мне лопнуть, правда немецкий грузовик!»- Хенн выскочил из укрытия и замахал.

Подъехавшая машина, похоже принадлежала военно-морским службам. Вышедший оберфельдфебель деловито спросил:

«Здесь осталось что-нибудь невзорванное?»

«Благословенная немецкая основательность», подумал Петер, «Интересно, какая штабная крыса дважды отдала приказ о взрыве аэродрома «Дора»? Сперва нам с воздуха, теперь с этой командой на грузовике. Такое может быть только у нас, в Германии.»

И он обратился к приехавшим:

«Парни, у вас ведь есть инструменты, помогите мне разобраться с моей колымагой, вон она стоит, напротив. Я хочу

уже сегодня вечером быть на материке.»

Оберфельдфебель посмотрел на часы:

«Мы не успеем.»

«Дружище, просто помогите заправиться! Это займёт пару минут, просто у меня нет насоса. Подкатите пару бочек к моей птичке, захватите насос из вашего грузовика и тогда я смогу уже через три минуты взлететь, а вы заберёте оставшихся двух людей»- он указал на унтерофицера с ефрейтором.

Некоторые согласно кивнули. Их командир немного позже так же сказал «да». И тогда закипела работа.

«Шевелимся как можно быстрее, парни, иначе Шерманы смешают нас с грязью!.. Вы что, хотите взлетать на этом самолёте? Да тут не хватает половины хвоста!»

«Я должен попытаться», сказал Хенн.

Через некоторое время датчик топлива показал 400 литров.

«Ну, парень, этого тебе хватит до Северного Полюса!»

«Мы останемся здесь, пока вы не взлетите, на случай, если что-то произойдёт.»

«Спасибо», ответил Хенн и запрыгнул в кабину. «Под колёсами лежат колодки, я дам вам знак, когда их вытащить. Мне придётся взлетать по ветру, я не могу рулить по этим камням без хвостового колеса.»

«Для старта по ветру длины поля не хватит. Вы разобьётесь с 99 % вероятностью! Оставайтесь на земле, так будет лучше», предупредил оберфельдфебель.

«Я должен попытаться и с этим одним процентом»- Хенну вдруг стало всё равно. Он включил стартёр, мотор завёлся. Тогда он крепко-накрепко привязался, затянул ремни до упора, одел шлем, закрыл фонарь кабины и приготовился стартовать. Потом он приоткрыл окошечко в кабине и прокричал:

«Если я разобьюсь и сразу же загорюсь, то можете уже ко мне не бежать!»

И он дал полный газ. Колодки держали крепко. Машина рвалась изо всех сил вперёд, но не могла сдвинуться с места. Он толкнул ручку управления от себя и таким образом немного приподнял искалеченный хвост от земли. При этом он рассуждал сам с собой:

«Необходимо, чтобы в момент, когда уберут колодки, машина имела горизонтальное положение.»

Мотор ревел, машина рвалась вперёд.

«Убирай!»-проорал он и махнул рукой.

Стодевятый, как пантера, прыгнул с места и помчался по полю. Хенн изо всех сил прижимал ручкой нос книзу, чтоб повреждённый хвост не ударялся о камни. Камни грохотали по

брюху его машины, он включил форсаж, ручка газа упёрлась в максимальное положение, мотор пронзительно завывал, выдавая 2800 оборотов в минуту. Петер не осмеливался кинуть взгляд на спидометр. Всё дальнейшее происходило за считанные доли секунды. Он потянул рукоятку на себя. 109 зашатался, подскочил, снова коснулся земли, «дал козла»…

«Господи, овраг! Овраг!!!» Пропасть распахнулась перед ним и он потянул рукоятку ещё раз. «Сейчас или никогда!»

Машина, словно лошадь, получившая хороший удар плетью, подскочила над землёй, взвилась вверх, взбрыкнула, но не пожелала взлетать.

«О, Господи, она не хочет», подумал Хенн.

Тогда он рванул рукоятку в третий раз, словно рыцарь, рвущий поводья в смертном бою-так, что брызгает кровью. Машина закричала, как зверь, но повисла в воздухе, дрожа, словно сорванный ветром лист.

«Ручку чуть от себя, держать машину прямо, убрать шасси! Подо мной 30 метров воздуха, склон оврага… теперь главное- не свалиться!»

Машина просела- и выровнялась. Спидометр показывал 160 км/ч. Хенн похлопал по приборной панели: «Ты моя хорошая, молодец!»

Он немного убрал газ, снизил обороты до 2200 и его птичка вздохнула свободнее. Как и он сам. Альтиметр показывал 50 метров, и этого было вполне достаточно. Хенн собирался оставаться на малой высоте и, развернувшись на бреющем, он полетел в сторону Палермо. Когда он перелетал дорогу, по нему ударила пара счетверённых зенитных пулемётов. Он, однако, продолжил лететь по прямой, не меняя высоты. Затем он включил радио и к своему изумлению, услышал ужасный крик:

«Да аккуратнее же ты, идиот! У тебя на хвосте три Лайтнинга! Маневрируй же, придурок!.. Внимание! Внимание! Сбор!.. Ура, сбил!!! Поздравляю!.. Чёрт, в меня попали, проклятье!..»

Бессвязные обрывки фраз доносились из эфира. Где-то в восточной Сицилии, у Этны или у Сиракуз, сражались последние немецкие истребители, в небе, забитом противником. Услышав первые слова, Хенн решил, что кричат ему. Он мгновенно заложил левый вираж и оглянулся. Никаких Лайтнингов.

«Они больше не летают тут, в западной Сицилии», подумал Хенн, «Тут уже нет наших самолётов. Мысль о том, что я тут ещё летаю, просто не придёт в голову американцам. Драка идёт впереди, у Мессины. Там- лазейка в сицилийской мышеловке. Сегодня я обязательно должен там проскочить на своей птичке,

которая с наполовину оторванным хвостом сейчас выдаёт 400 км/ч. Это будет весело. А вот внизу подо мной уже Палермо. Так, нука быстро вниз, прямо к шпилю той церквушки, торчащей над крышами, нечего забираться вверх. Теперь- прочь отсюда! Прочь- и к морю. Слава Богу, мой мотор чувствует себя великолепно, я же сам его облетал ещё в те спокойные деньки в Сардинии. Он весело работает, как швейная машинка. Это сейчас- самое главное для меня.»

Он достиг побережья, сориентировался, убрал карту, и лёг точно на восточный курс, поправляя себя по компасу. Немного отойдя от берега, он старался держаться так, чтоб в случае необходимости успеть достичь ровного пляжа. Теперь он почуствовал себя увереннее.

Через какое-то время он увидел под собой улицы Мессины. Там творилась невероятная суматоха: Сцилла и Харибда открыли свои пасти. На паромах двигались немецкие части, над ними висело множество американских бомбардировщиков.

Дьявол, вот бомберы «разродились»! Бомбовые ковры один за другим, обрушились вниз. Порт и побережье окутались дымом и пылью, водяные фонтаны на мелководье просто не успевали опадать. Немецкие зенитки палили, как сумасшедшие. Вот им удалось сбить одного американца! Пылающие обломки, кружась, рухнули в кипящую от падающих бомб воду. Над этим инферно раскрылись несколько парашютов.

«Вот, чёрт побери, и прилетели», пробормотал Хенн, «Парни падают точно к своим же бомбам. Тут уж никакой надувной плотик не пригодится.» Но вражеский строй непоколебимо продолжал идти вперёд, не сворачивая.

Хенн продолжал следовать прежним курсом, скоро у него снова загорится красная лампа на панели. И тут вокруг опять начали падать бомбы.

«Вот дьявол, да тут и крысиный хвост не проскочит! Ты только посмотри, сколько металла в воздухе!»

Он отвернул от берега, и сделал большой крюк, обходя опасное место. Скоро он достиг Реггио. Улицы Мессины позади него всё ещё кипели, хотя уже наступали сумерки. Прямо под ним поднимался огромный дымный гриб, «ориентир Трапани», и там, где должен был находиться аэродром Реггио, везде бушевал огонь.

«Эти парни уничтожили мой последний шанс приземлиться. Обратите внимание, господа, это называется тактическим планированием. Немецкие истребительные части двинутся теперь на юг пешком. И где теперь приземляться мне? Самолёт доедает последние литры бензина. Опять старая история! Ну что ж, тогда

я просто долечу до Кротоны и сяду прямо на носке итальянского «сапога», под его стельку. Топлива должно хватить, а если даже нет, то придётся оставить своего верного коня в поле и идти пешком. Пока американцы высадятся на материк, пройдёт время. Они сейчас застрянут на Сицилии.»

Хенн решил придерживаться своего плана. Уже начинало темнеть. Повсюду поднимались столбы дыма. В Кротоне так же всё пылало.

«Господи, и тут не приземлиться», думал Хенн, кружа над полем. Он увидел несколько бегущих фигур и всё же решил попытаться. Красная лампа на приборной панели уже вовсю мигала, и ему не оставалось ничего другого. Он должен был посадить самолёт на брюхо на этом пылающем поле. Он медленно начал разворачиваться. Снизу, от поста управления, взлетела красная ракета запрещая посадку.

«Это ещё почему?»- удивился Хенн- «А! Я не выпустил шасси. Ну уж нет, друзья, я лучше посажу мою машину на брюхо. Я поостерегусь выпускать «ноги». Если моя птичка прокатится лишние пару метров, то наверняка я влечу в этой темноте в какую-нибудь из многочисленных воронок и для меня всё закончится именно в тот момент, когда всё плохое уже осталось позади.»

Петер прикинул всё ещё раз:

«Кроме того, я не знаю, остались ли целы мои шины после того жуткого старта по камням в Салеми. Если я сяду на спущенной шине, то скорее всего скапотирую. Ну уж нет, лучше я проползу пару метров на брюхе, так безопасней.»

Хенн постепенно снижался, а ему навстречу продолжали взлетать красные шарики ракет.

«Да чтоб у вас горбы повыростали!»- ругался он.

Он выровнялся, выключил зажигание, и самолёт коснулся земли, сперва задней частью фюзеляжа, потом уже всем брюхом. Машина проползла несколько метров, развернулась влево и замерла.

«Что ж, на сегодня с меня хватит», пробормотал Хенн.

Он откинул фонарь, встал на сидении и огляделся. Аварийная посадка прошла успешно. Пропеллер, впившийся в землю, выглядел, как изогнутый полип, однако всё остальное выглядело вполне нормально. Вращательный вал явно не пострадал, и мотор можно было ещё использовать. Он отстегнул парашют и выпрыгнул на крыло. Петер размышлял:

«Вот она теперь лежит на земле, верная птичка. Чувствую себя, как рыцарь, у которого под седлом убили коня. У машины ведь тоже есть душа- с ней срастаешься и привыкаешь к ней, как к

лучшему другу.»

Спотыкаясь о воронки, Хенн побрёл через поле и остановился перед ближайшим темнеющим зданием. Он должен был найти себе какой-нибудь угол для ночлега, и кроме того, ему надо было разыскать своих товарищей. На командном посту слонялись несколько пехотинцев. Он обратился к ближайшему из них:

«Нашей группе было приказано собраться на этом аэродроме.»

«Кто вам сказал такое?»- удивился человек.

«Приказ был из штаба в западной Сицилии.»

«Нам ничего про это не известно.»

«Как же мне найти своих?»

«Понятия не имею. В любом случае, тут ваша группа не проходила. Завтра с утра отсюда улетает Юнкерс в Неаполь. Летите с ним и узнайте всё в Управлении Фронта.»

«Хорошо, зарезервируйте для меня место в этом Юнкерсе. А где я могу переночевать?»

«В шестом блоке у нас расквартированы пилоты. Только я не знаю, стоит ли ещё само здание. Пару часов назад нас сильно бомбили.»

Он отправился в путь по авиабазе, расспрашивая всех про шестой блок. Каждый встречный давал ему всё новые направления. Склад всё ещё горел и итальянские пехотинцы вытаскивали из огня нонсервные банки. Наконец ему надоели безрезультатные расспросы, он подошёл к ближайшему дому, вошёл и сказал:

«Добрый вечер! Я хотел бы тут переночевать.»

Хенн не особенно стеснялся. Он раздобыл где-то раскладушку, улёгся и попытался уснуть. Однако, несмотря на усталость, он не мог сомкнуть глаз и раздумывал:

«Тут были четыре машины, когда Боинги разнесли всё вокруг. Интересно, где-то они сейчас? Моя «двойка» лежит снаружи и к полётам непригодна. Где же майор, Херберт, адьютант? Я сижу в Кротоне, где по идее должны находиться все. В Реггио они так же не могли сесть. Мне там хорошо удалось рассмотреть горящий аэродром. Я стартовал последним и, без сомнений, прилетел сюда первым. И где же тогда все остальные? Целая группа из 34 самолётов за несколько дней была уничтожена, размётана и разбомблена. Потерь от вражеских истребителей мы практически не имели. Всё это- на совести бомберов. Самолёты разбиты на стоянках, пилоты рассеялись. Немецкие итребительные части уничтожены не в небе, а на земле.»

На следующий день он перелетел на Юнкерсе в Неаполь и расспрашивал там всех, кого только было можно, про свою

группу. Ответ всегда был один:

«Не знаем, тут они не появлялись и никаких известий от них не было.»

На другой транспортной машине он перелетел в Фогию. Как ему сказали, «может хоть там что-то известно.»

Он прилетел в Фогию небритым и потрёпанным. На аэродроме он обнаружил «Командование группировкой «большой земли»», находящееся там уже многие месяцы и проводящее время за потреблением красного вина. Пожилой офицер-резервист принял его, пожал в ответ на его расспросы плечами и произнёс:

«А! Я понятия не имею, где шляются наши летуны. Может быть, они все в Лессе, это не ближний свет, но не так уж и далеко отсюда. Смотайся туда, глянь…»

«Каким образом?»

«Дак это-то не вопрос. В Фогии стоит целая куча бесхозных стодевятых- выбирай себе любой, какой больше понравится. Они все новенькие, в смазке.»

На поле стояли абсолютно новые 109, ряд за рядом и ждали следующей бомбардировки. В Траппани они могли только облизываться, мечтая о таком, здесь же, в нескольких часах лёта оттуда, никто даже не потрудился рассредоточить сверкающие машины по укрытиям.

«Подумать только!»- сказал Хенн- «Мы с Хербертом в Траппани вдвоём атаковали около 120 Боингов, а тут уже несколько недель стоят более 150 птичек и никто даже не почесался, чтоб отправить их нам. Как такое могло произойти?»

«А, юноша, я уже не забиваю себе голову всем этим. Я и в Первую Мировую не особо над этим задумывался. Весь этот бардак мне не в диковинку. Но тут уж я ничего не могу изменить. В Фогии расположена масса всяких штабов, масса! И там, я тебе скажу, везде творится сплошной бардак!»

«Превосходно», скрипнул зубами Хенн и залез в один из стоящих 109. Через некоторое время он уже вылетел в Лессе. Там он нашёл истребительную группу и, уже никого не расспрашивая, просто доложил командиру о прибытии.

«Посмотрим, где могут быть ваши ребята», сказал тот, «Полагаю, что они в Бриндизи. Точно, здесь были ваш майор и командир шестого штаффеля. Всего пару дней назад. Летите к ним и передайте от меня привет.»

«Прекрасно, я сечас же лечу в Бриндизи. Как называется сам аэродром?»

«Сан Вито в Норманни.»

«Ага, в честь старого знаменитого пирата. Надеюсь, что мои

морские и воздушные мытарства там закончатся!»

И он полетел.

Когда он приземлился, техник-заправщик сказал ему:

«Ваш шеф сидит с нашим «стариком» вон там, на другом конце поля.»

Хенн вырулил на своей машине через всё поле, заглушил мотор, вылез, и, откинув дверь в палатку, доложил сидящим внутри:

«Оберлейтенант Хенн прибыл из Салеми!»

Оба, «старик» и Херберт, подскочили и уставились на него.

«Ты откуда?!!»

«Я же вполне чётко доложил- из Салеми.»

«Не может быть!»

«Может.»

«Так ведь… твоя машина была поломана!»

«Тем не менее я стартовал и вот уже пару дней ищу вас.»

«Ну ты даёшь! Молодец!»- воскликнул «старик» и, подскочив, сдавил его в железных обьятиях, так, что Хенн закряхтел. — «Теперь мы снова в полном составе! Мы втроём едем в Рейх, с нас хватит! Место назначения- Нойбиберг, под Мюнхеном. Адьютант уже там. Техперсонал из Каза Цеперра уже плывёт где-то между Сардинией и Ливорно и через Бреннер прибудет на место. Нас осталось трое офицеров, этого вполне достаточно. Остальные где-то воюют над Италией. Фронтовое командование приняло решение и отзывает всех пилотов. Мы, ребята, ещё повоюем! Посмотри на нас, наши машины остались в Реггио. Едва мы сели, как их стёрли в порошок бомбы. С тех пор мы передвигаемся на своих двоих. Это твоя «двойка» там стоит?»

«Нет, моя осталась лежать в Кротоне. Вот всё, что мне от неё осталось», сказал Хенн и достал ключ зажигания.

«Старик» усмехнулся.

«Прекрасно! В Мюнхене по крайней мере не так жарко. И пока мы получим новые машины пройдёт немало времени. Там будет отпуск, цеплятки, понимаете, отпуск! Мамочка и мягкая постель!»

***

Итак, они остались втроём. Усевшись на поезд, они отправились в Мюнхен. Они ехали день и ночь, почти не разговаривая, глядя в окно на проносящийся мимо итальянский ландшафт: Везувий, вечный Рим, Тоскана, По-Эбене, Бреннер и почти ничего не замечая. Они устали и были ко всему равнодушны, на их лицах застыло разочарование.

В Мюнхене царило спокойствие. Два дня отпуска быстро пролетели, все хорошо отдохнули. Наконец они снова собрались вместе. Настроение заметно улучшилось. Потери оказались не такими ужасающими, как они представлялись вначале. Машины производились в огромных количествах. На авиазаводе в Нойбиберге было налажено производство 109. Пилоты постепенно отходили от своего сицилийского шока.

Проходили дни. Они летали, упражнялись, экспериментировали и постепенно их группа, пополненная новичками, снова становилась грозной боевой единицей.

«Итак, господа», сказал как-то майор, «Главными нашими противниками по-прежнему остаются четырёхмоторные бомбардировщики. В Лехфельде находится военная база. Я разработал с их командованием один план, который нам предстоит претворить в жизнь. Не-111 будут лететь сомкнутым строем, как Боинги, изображая для нас цель. Что касается наших атак- будем отрабатывать атаки сзади, снизу, сверху, сбоку и прежде всего спереди. За лобовой атакой- будущее! Им придётся смотреть прямо в наши стволы, когда мы будем атаковать группами. И им придётся нарушать свой строй. У них спереди только два пулемёта, а мы будем атаковать швармами по 4 машины, пикируя все вместе на скорости 650 км/ч. Тогда против двух стволов головного бомбера будет 12 наших. Мы будем всегда атаковать в строю «клином». Головной Боинг будет слабо прикрыт огнём с других машин. Головная машина — это «pathfinder», проводник, который ведёт остальных к цели. Когда он будет сбит, остальные бомберы не будут знать, куда бросать свой груз. Итак, ещё раз: лобовая атака- наше с вами будущее!»

И они учились и отрабатывали, кружась над Мюнхеном со своими швармами. И вот наконец пришло время серьёзного экзамена. Группа немецких бомбардировщиков вылетела в составе 30 машин. Две группы истребителей, по 40 машин в каждой, отрабатывала разные виды атак. Хенн летел со своим швармом в самом конце строя стодевятых, круживших над Хейнкелями. Четвёрка из второй группы как раз пошла в атаку. В пикировании шварм несколько нарушил строй. Самолёты вися, как бусины на нитке, и довольно близко подойдя друг к другу, понеслись к головной машине бомберов, сближаясь на встречных курсах. Первый пилот проскочил вплотную над строем Хейнкелей. Второй и третий так же повторили его манёвр. Четвёртый пилот слишком приблизился к идущей впереди машине. На общей скорости около 1000 км/ч он лоб-в-лоб врезался в ведущего строя бомберов.

Хенн увидел вспышку, взметнувшийся и сразу же погасший

ярко-красный огненный шар, облако иссиня-чёрного дыма, а потом вниз посыпались обломки. Это было всё, что осталось от 109 и Не 111. От истребителя так и не нашли ни одного кусочка, который можно было бы опознать, а от Хейнкеля остались лишь обломки хвостового оперения. От пяти человек, летевших в этих машинах, не осталось ничего.

Когда группа приземлилась, «старик» сказал:

«Что ж, вы все видели, как это надо делать, и как это делать нельзя. Могу только ещё раз повторить вам: заходим широким разворотом издали, долго сближаемся, резко доворачиваем, чтоб оказаться точно на встречных курсах, и затем обязательно смываемся вправо-вверх, иначе получится, как сегодня…»

И они работали дальше- уже без бомберов, а со своими товарищами- шварм против шварма, машина против машины, один на один.

Потом настал день Швайнфурта. Величайшая в истории воздушная битва над Германией началась.

Регенсбург был атакован, завод по производству истребителей был стёрт с лица земли столь ужасной ковровой бомбардировкой, что все только удивлялись. До всех даже не сразу дошло, что единственный конвейер где производились новейшие реактивные истребители Ме 262 был так же уничтожен.

Потом ударом из Северной Африки была атакована Вена. И снова был уничтожен завод по производству истребителей. У немецких стратегов воздушной войны опустились руки, когда они посчитали расстояние, которое покрывали четырёхмоторные бомбардировщики. Американцы концентрировали свои удары на центрах немецкой воздушной обороны.

Машин стало недоставать. Американцы уничтожали не только заводы, но и стоянки, где скапливались готовые машины. Когда 109ый прокидал стены завода, он должен был некоторое время стоять на стоянке-накопителе, откуда уже потом должен был попасть в действующие части. И вот когда такая стоянка наполнялась, можно было с уверенностью ожидать очередного «ковра», и воинские части вынуждены были около месяца дожидаться следующей серии самолётов.

***

Они ещё иногда вылетали на перехваты бомберов. Потери были небольшими, но и количество сбитых врагов было незначительным.

Стодевятые производились в таких массах, что иногда

казалось, что бомбардировки просто не способны перемолоть такую армаду выходящих из подземных цехов машин. Техники спешно направлялись в лётные школы и выходили оттуда истребителями. То, что происходило в Англии в 1940 году и называлось «Битвой за Британию», повторялось теперь для нас в 1943 году в «Битве за Германию». Но бои ещё не достигли своего наивысшего напряжения. Пилоты говорили после каждого вылета:

«В этот раз было что-то особенное. Хуже быть просто не может!»

Они жестоко заблуждались. Если сперва союзники прилетали по 500 машин, сейчас по 1000, то позже они начали прилетать по 2000 самолётов с мощным истребительным прикрытием. Они целыми неделями, днём и ночью, кружили над городами, важными военными объектами: Берлин, Лойна, Пенемюнде. И истребительные группы ПВО неустанно носились по всей Германии.

На юге войска стран Оси медленно, но неуклонно оствляли итальянский «сапог».

И вот однажды они получили приказ: «Группа снова переводится в Италию!»

«Хенн поведёт вторую группу»- приказал майор.

И Петер от души радовался. Он мог ещё некоторое время оставаться в Мюнхене, когда остальные уже будут находиться в Италии. Он должен был дождаться остальных пилотов, которые на своих отремонтированных машинах соберутся в Нойбиберге, собрать их вместе и с ними перелететь в Лаварино. Так у Хенна в декабре 1943 года неожиданно появилась парочка замечательных свободных дней, он отключил почти все телефоны и наслаждался тишиной.

Группа в составе примерно 20 машин перелетела в Лаварино и ежедневно по нескольку раз задавала по радио только один вопрос:

«Когда вы прилетите?»

Хенн неизменно отвечал:

«Погода слишком плохая, никакой возможности стартовать!»

Потом наступил день, который был чуть более ясным, чем предыдущие. Петер передал:

«У нас ясно. Как погода на месте?»

«Пасмурно»- пришёл ответ- «Вся По-Эбене в заднице. *(«По» по-немецки- попа. Так что тут идёт игра слов. Прим. переводчика.)* Погода нелётная!»

Когда погода в Мюнхене было ясной, посадка в Лаварино была невозможна! Видимо, Святой Пётр вошёл в его положение-

ведь оставалась всего неделя до Рождества!

У него был водитель, несколько техников, десять самолётов и… невеста, постоянно звонившая ему на базу. Это действовало Петеру на нервы. Остальных он мог спокойно отпустить по домам, но сам должен был остаться. Держать команду на базе не имело смысла, так как официально она уже была в Италии. Но женский голос в трубке продолжал его преследовать.

«Что происходит, Петер? Ты приедешь на Рождество, или мне упаковать твой подарок, чтобы ты взял его с собой в Италию?»

«Щекотливый вопрос, детка. Позвони-ка Святому Петру. Я тебе ничего не могу сказать. Может через пару часов я уже буду лететь над Альпами, а может, пробуду тут ещё пару недель.»

Идиотская ситуация. Хен в последний раз видел новогоднюю ёлку в 1938 году ещё абитуриентом. А теперь ему уже 23 и эта маленькая, изящная блондиночка постоянно звонит ему. И Петер решил плюнуть на всё. Вечером перед Рождеством он собрал свой чемодан и умчался. Телефон, где его можно было застать, знал только начальник базы.

Однако в первый же праздничный день он был уже на месте. Девушку он взял с собой. Он уже не мог поступить иначе. И слава Богу, что он так поступил- в тот же день всё наконец и случилось. Он собрал своих людей и передал в Италию:

«Мы вылетаем. Старт около 14 часов, приземлимся примерно в 15.30. Лёгкая облачность, с просветами, видимость 5 километров.»

«Стартуйте!»-последовал ответ.

Они пошли к стоянкам самолётов. Хенн отдал распоряжения техникам.

Девушка в меховом пальто стояла рядом и мёрзла. Она впервые видела вблизи самолёт и её лицо заметно побледнело. Она чертовски замёрла, но не жаловалась. В машине Петера ещё сидел техник. Мотор прогревался, работал то на одном режиме, то на другом- шла проверка. У Хенна было ещё совсем немного времени.

Они обменивались последними фразами.

«Передавай от меня привет маме!»

«Хорошо!..»

«И не забывай мне писать…»

«Хорошо!..»

«И не слишком часто заглядывайся на других мужчин!»

Она тряхнула головой и рассмеялась.

«И носи кольцо- мой подарок- на пальце.»

«Хорошо!..»

«Ну… я должен лететь.»

«Возвращайся живым, я буду ждать!»

Это была самая длинная фраза, сказанная ею за всё время расставания. Хенн немного повернулся, закрывая её спиной- то, что должно было произойти, было не для чужих глаз. Однако, когда он снова повернулся, то техник улыбался самым бесстыдным образом. Хенн закрыл кабину, пристегнулся, дал газ и покатил вперёд. Десять машин собрались над полем. Внизу махала своим красным платком маленькая блондинка. Она не проронила ни слезинки, только несколько раз тяжело вздохнула. Хенн со своей группой лёг на курс. Перед ними были клочья разорванных облаков, дальше цепью высились Альпы, под ними лежала серая масса большого города.

«Она сейчас едет домой», думал он, «А ты снова играешь в войну. Идиотизм. Если ты хочешь снова вернуться к ней, то тебе придётся давить на эти кнопки, быстрее, неожиданнее, точнее, чем другим, которые будут целиться в тебя. Кто раньше и точнее стреляет, возвращается домой. От этого зависит твоя дальнейшая жизнь, хочешь ты того или нет.»

Они пересекали Альпы. Далеко внизу проплывали заснеженные вершины и ледники, покрытые синими тенями долины, белые леса, деревушки с приветливо поднимавшимися над крышами дымками. Внизу царили мир и спокойствие, всё ожидало, когда же они там, наверху навоюются, и эта война наконец закончится, возможно уже вместе с этой зимой, в начале следующего года.

Со стороны Швейцарии появились тучи. Небо стало светло-светло голубым, над головой возвышались перистые облака, и чем южнее они забирались, тем темнее становилось. Горные вершины окутались рваными облаками, долины затянуло иссиня-чёрный туманом и с высоты было хорошо видно, как лежащий недалеко По-Эбене затягивает тучами. Очертания гор исчезли, туман растёкся, как манная каша и Хенну в его кабине стало не по себе. Ему нужно было нйти хоть один просвет, хоть небольшое «окно», чтобы спуститься со своими машинами. Но никаких просветов не было видно. Чем дальше на юг, тем плотнее становился облачный покров. Пробивать облака вслепую они не могли. Петер не мог точно сказать, находятся ли ещё под ними горы. Рассчётное время говорило, что горы остались позади. Уже над Эбене Петер был в этом уверен, однако никто не мог сказать, не лежит ли туман прямо на земле и не встретится ли им на пути какое-нибудь из так безобидно выглядящих сверху предгорий. Возвращаться назад было нельзя. За ними находились горы. До ближайших аэродромов- Иннсбрука или до самого Мюнхена уже было слишком далеко. Бензина туда уже не хватало.

Надо было так или иначе садиться в Эбене. Хенн огляделся. Все товарищи находились рядом. Он железно держался курса. Через четверть часа группа должна быть над Лаварино. Возможно, там были просветы в облачности. Тогда можно было бы с уверенностью приземлиться. Он нажал на кнопку связи:

«Все тут?»

«Все», пришёл ответ.

Тогда он вызвал наземный пост. Долго-долго он повторял свой вызов. Никто не отозвался. Все пилоты тоже слушали. Они начинали беспокоиться.

«Спокойно, парни, берегите нервы. Мы просто снизимся и решим все проблемы.»

Все немного приободрились, однако самого Хенна лихорадило.

«Чёрт возьми, почему эти мерзавцы внизу не отвечают? Через пять минут мы уже подлетим к ним, а в наушниках ни единого шороха. Эти собаки спят там, пока ты тут висишь над ними на 2000 метрах вместе с десятью машинами и тратишь последние литры горючего.»

«Вызывает «жёлтая два», вызывает «жёлтая два»! Запрашиваю связь! Запрашиваю связь! Нахожусь на подлёте, видимость ноль. Должен немедленно садиться. Запрашиваю связь!»- кричал Хенн в рацию.

Это были решающие минуты…возможно секунды. Стоило сейчас дать слабину, начать метаться, безполезно искать аэродром- и это означало бы неминуемую смерть.

«Спокойно, спокойно, спокойно!»- звучал голос Хенна. Он говорил это больше для себя, чем для других, которые, услышав его, подошли ещё ближе. Секундная стрелка прошла круг, обозначив прошедшую минуту, и Хенн сказал:.

«Теперь мы должны быть на месте. Итак, постройтесь один за другим, дистанция 300 метров, мы снижаемся!»

Десять машин нырнули в верхний слой тумана, раскинывшийся под ними сплошным белым потоком, похожим на сметану.

«Всё не так уж и плохо»- проговорил Хенн- «Он лежит, самое низкое, на высоте 80 метров. Сейчас мы его пробьём.»

Десять машин снижались по широкой дуге. Хенн постоянно пересчитывал следующие за ним самолёты. Пока все на месте. Если они и правда над аэродромом, то звук моторов уже должны были услышать, и всячески пытаются связаться с ними. Он знал это. Он сделал ещё одну попытку связаться с землёй.

«Вызывает «жёлтая два», вызывает «жёлтая два», вызываю Лава *(сокр. от Лаварино, прим. переводчика)*, вызываю Лава,

запрашиваю связь, как поняли?!!»

Никто не отозвался.

«Останусь тут со всеми машинами- и выпрыгнем все с парашютами. Плевать! — рассчёт был точен, мы над Лаварино», подумал Хенн и продолжил снова:

««Жёлтая два» вызывает Лава! Отвечайте!»

«Подлетайте ближе, я жду!», ему показалось, что он это услышал.

«Вызываю Лава, вызываю Лава!»- заорал он в передатчик.

В наушниках щёлкнуло и откуда-то издали прилетели слова:

«Здесь Лава, здесь Лава, кто вызывает?»

«Здесь «жёлтая два» с десятью машинами»- прорычал он. «Видимость ноль! Топлива на 15 минут. Подайте световые сигналы!»

Снова наступила тишина. Голос наземного поста все слышали, и снова воспряли духом. Их поддерживал этот радиосигнал, эта пара слов, пробившиеся к ним сквозь туман. Хенн понимал, что это ещё не спасение. Туман не отступил ещё ни на метр. Они теперь просто знали, что находятся недалеко от нужного места и вполне могут ещё погибнуть недалеко от своих товарищей.

«Дайте наши координаты!»- передал Хенн.

«Около трёх километров к западу от аэродрома», последовал ответ.

«Вот я глупец, просчитался…»-обругал он себя и пролетел около минуты в восточном направлении. Туман чуть заметно поредел. Машины неслись вперёд и Хенн заметил выглянувший из тумана шпиль церкви с крестом. Он возвышался на пару метров из клубов тумана.

«У нас теперь есть ориентир»- сказал Петер своим товарищам- «Слева церковь, виден крест на куполе.»

Все увидели ориентир и надежда снова воспряла. Потом сквозь туман взлетели сигнальные ракеты. Постепенно наступали сумерки.

«Это Лава», передали с земли, «Разворачивайтесь над церковью в направлении сигнальных ракет. Оттуда беспрепятственно заходите на посадку.»

«Viktor»- ответил Хенн. Потом он начал давать указания своим пилотам, а в небо продолжали взлетать одна ракета за другой.

«Итак, все следуют за мной. Я сажусь- остальные делают круг. На туман не обращайте внимания! Откройте глаза пошире и спокойно приземляйтесь. Заходим прямо от креста на церкви. Радиомаяк переключить на положение «два». Если у кого-то он

вышел из строя, просто держите направление и ждите, когда увидите землю. Как поняли?»

«Viktor»- раздалось в наушниках.

Хенн начал снижаться. Пропустив церковный крест под левым крылом, он лёг на восточный курс. Высота была всего 80 метров, он выпустил шасси и наполовину опустил закрылки. Он медленно погружался в туман. Потом видимость пропала вовсе, лобовое стекло замутилось. Мимо промелькнули какие-то тени, обрывки тумана и Петер думал с надеждой: «Только бы…. только бы….»

Через мгновение должен был появиться аэродром- или случиться катастрофа. Радиомаяк работал исправно. Пока с земли передавался сигнал, маленькая стрелка тацевала на серединной отметке. Там она и должна была оставаться- тогда направление было верным. За кабиной висел туман. У него были лица, руки, пальцы, как у гиганского полипа. Он выглядел таким спокойным, безобидным и пушистым. Внезапно на миг в тумане появился просвет, в нём мелькнули тени, показалась серая земля, какие-то пятна… и снова всё стало молочно-белым.

Всё это выглядело, как какая-то перематываемая кинолента, с игрой света и тени, с мельканием каких-то мгновенно меняющихся видений. Секундная стрелка отсчитывала очередной круг и Хенн подумал:

«Полтора часа назад ты ей сказал, чтобы она не снимала твой подарок- кольцо, и она ответила, что будет ждать. Так что сейчас всё это становится очень серьёзным для тебя, очень…»

Туман кое-где стал чёрным, машина резко провалилась вниз и Хенну захотелось закрыть глаза. Но он наоборот, широко их открыл, он должен сейчас видеть, видеть при всех обстоятельствах!

Потом появилась посадочная полоса, она внезапно надвинулась на него, он летел над ней на высоте 10 метров. Он рассмотрел командный пост, отдельно стоящие 109, заметил убранный посадочный знак, затем прижал машину к земле- и колёса покатились, покатились, покатились!

«Я сел!»- закричал он в рацию- «Следуйте за мной- курс точен!»

Он поставил машину на стоянку, выскочил из кабины застыл в ожидании. Сядут ли они? Не случится ли чего неожиданного? И он считал: «Один, два, три….»

Они прилетали друг за другом, все одним курсом, от церковной башни до командного пункта, с которого продолжали взлетать осветительные ракеты.

«Пять, шесть, семь, восемь….» Остался один. Он летал в

тумане и не заходил на посадку. Рокот его мотора был хорошо слышен.

«Проклятье, почему он не садится?»

Рядом с Петером стоял пожилой техник.

«Быстро, машину!»- прокричал Петер. Он домчался до командного пункта, ворвался в радиоточку:

«Что стряслось с последним?»

«Нет связи»-последовал ответ.

«О, Господи, что же он занимается ерундой? Он же ясно видел, как мы все садились, да и ракеты он тоже должен видеть.»

«А кто в той машине?», спросил фельдфебель-связист.

«Ефрейтор Мирц, три недели, как окончил лётную школу, ещё не совершил ни одного боевого вылета, совсем молодой парень, новичёк.»

«Мда, кисло…», сказал радист, крутя свои ручки и постоянно вызывая машину. Ответа не было.

Хенн выбежал наружу. Всё было поставлено на карту. Если пилот видел направление посадки, если он видел взлетающие ракеты, то у него должно было получиться.

Вот он появился. Хенн не мог поверить глазам- он спускался почти вертикально, как сдутый воздушный шар.

«Вот чёрт, да он падает!»- заорал Хенн.

«Не переживай! Детям и новичкам всегда везёт!»

Хенн мгновенно развернулся. Рядом стоял «старик».

«Докладываю: вторая группа из десяти машин прибыла, херр майор!»

«Не обманывайте, дружище, не надо ложных докладов! Смотрите- смотрите! Ну даёт, чёртов лебедь… лихо! Вот теперь уже можете докладывать, он уже сел.»

Хенн шумно перевёл дыхание.

Майор спросил:

«Кто-нибудь ещё остался дома?»

«Никто», сказал Петер и подумал о девушке, махавшей ему платком, «Я полагал, что тут хорошая погода!»

«Так и было, но небо практически мгновенно затянуло. А теперь бери своих салаг и езжай с ними на квартиры.»

Хенн подошёл к своим людям.

«Почему долго не приземлялись, Мирц?», спросил он.

«Я…я… у меня не работала рация…. в течении всего полёта я не слышал ни единого слова! И когда вы все один за другим нырнули в туман, я не знал, что происходит.»

«А ракеты вы не видели?»

«Нет…»

«Молодой, человек, куда же вы тогда вообще смотрели?»

«Всё время на летящий впереди самолёт, чтоб не потеряться. А когда он также нырнул в туман, я сначала растерялся»- парень сказал это почти без смущения.

Все товарищи, до сих пор немного бледные от пережитого, рассмеялись.

«Не спешите веселиться!»-сказал Хенн. «Что же вы предприняли потом?»

«Я…», смутился тот, «я… я заметил место, где исчез мой ведомый, там было маленький просвет, я обратил внимание… потом он исчез. Я всё время следил за авиагоризонтом»- он замолчал.

«Парень наверняка очень перепугался», подумал Хенн, но вслух сказал:

«Юноша, в следующий раз держите глаза открытыми! Командир видел вашу посадку. Я не хочу больше получать из-за вас выговоров!»

«Яволь, херр оберлейтенант!»- ответил тот.

Позднее выяснилось, что ефрейтор просто забыл включть свою рацию перед стартом.

* * *